

Данилов П. Г. Погребальная практика русского населения Тобольского Прииртышья в XVIII—XIX веках : случаи отступления от официального законодательства / П. Г. Данилов // Научный диалог. — 2018. — № 12. — С. 338—351. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-338-351.

Danilov, P. G. (2018). Burial Practice of Russian Population in Tobolsk Irtysh Region in 18th—19th Centuries: Cases of Deviations from Official Legislation. *Nauchnyy dialog*, 12: 338-351. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-338-351. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 393.05+903.5(571.12)

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-338-351

Погребальная практика русского населения Тобольского Прииртышья в XVIII—XIX веках: случаи отступления от официального законодательства¹

© Данилов Петр Григорьевич (2018), orcid.org/0000-0001-5939-0558, научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук (Тобольск, Россия), danilovpg@mail.ru.

В статье рассматривается вопрос о несоблюдении норм законодательства в погребальной практике русского населения Тобольского Прииртышья в XVIII—XIX веках. В научный оборот вводятся архивные материалы фонда Тобольской духовной консистории Государственного архива в г. Тобольске, отражающие случаи отступления от законодательно установленной практики совершения погребений. Анализируются материалы делопроизводства по фактам смерти новорожденного ребенка у поселенца Ивана Минина в 1774 году, умершего некрещеным; а также смерти и погребения в 1815 году на территории Абалакского Знаменского мужского монастыря крестьянина Алексея Вахрушева, совершенного без согласия гражданских властей. В качестве источника для реконструкции погребальной обрядности русского населения Сибири привлечены материалы, полученные в результате археологических исследований двух детских погребений с русского поселения «деревня Яркова» в Тобольском Прииртышье. На основе анализа черт погребального обряда захоронения датированы серединой XIX — началом XX веков. В связи с отсутствием поблизости других захоронений делается вывод о том, что данные погребения представляют собой «домашнее» (семейное) кладбище некрещеных младенцев,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2018-0001 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н. э. — II тыс. н. э.)»

расположенное на огороде у обрыва, на свободном от хозяйственной деятельности участке крестьянской усадьбы.

Ключевые слова: Тобольское Прииртышье; Тобольская духовная консистория; Абалакский мужской монастырь; русские; погребальный обряд; детские захоронения.

1. Введение

Погребальная обрядность русских сложилась на территории Европейской России и была принесена поселенцами в Сибирь, где в XVIII—XX веках приобрела самобытные черты, которые прослеживаются в большей степени в сельской местности [Межевикин, 2012, с. 310]. В связи с этим интерес представляют зафиксированные в письменных и археологических материалах случаи несоблюдения норм законодательства погребального обряда у русского населения Тобольского Прииртышья в XVIII—XIX веках.

Данная тема исследования в настоящее время актуальна, она активно разрабатывается Л. В. Татауровой, М. Л. Бережновой, И. В. Межевикиным [Межевикин, 2012; Татаурова, 2010; Этнографо-археологические комплексы ..., 2016]. На этнографическом материале М. А. Андрюнина рассматривает модификации похоронно-поминального комплекса: утрату элементов и приспособление к современным условиям на примере особой группы умерших, к которым относили самоубийц, некрещеных детей и прочее [Andrunina, 2015]. С. Ю. Королева изучает данную проблематику на основе этнографических материалов с территории Северного Прикамья [Королева, 2018]. Е. В. Торопова и А. П. Бужилова исследовали случай захоронения двух младенцев под полом постройки хозяйственного назначения первой трети XIII века в Старой Руссе [Торопова и др., 2012].

Целью данной работы является рассмотрение вопроса о несоблюдении норм законодательства в погребальном обряде русского населения Тобольского Прииртышья в XVIII—XIX веках на основе анализа вводимых в научный оборот новых данных архивного делопроизводства и материалов археологических исследований. Научная новизна исследования заключается в том, что большая часть представленных материалов публикуется впервые.

2. Случаи отступления от официального законодательства: погребения взрослых

Определяющее значение в законодательстве по регулированию погребальной обрядности имел указ Сената от 24 декабря 1771 года (по старому стилю), который запрещал погребения при приходских церквях в черте го-

родов и определял создание кладбищ на специально выделенных для этой цели землях за городской чертой [ПСЗРИ, 1830, с. 409]. В течение следующего десятилетия по всей стране приходские кладбища в черте городов закрывались, новые кладбища создавались за городом.

Важное значение для нас имеет тот факт, что Тобольская консистория распространяла действие указа и на села Тобольской епархии [Балюнова и др., 2008, с. 280], следствием чего стал перенос православного прихода из с. Абалак в с. Преображенское в 1783 году. Абалакский приходской комплекс с этого времени становится монастырским, захоронения мирян на территории Абалакского некрополя прекращаются. Для захоронения умерших братьев монастырь стал использовать территорию за южной стеной, так называемое «братское кладбище» [Абалакский ..., 1884, с. 2].

Насколько законопослушным было население Абалака и ближайших поселений, перестали ли совершать погребения в границах теперь уже монастыря после принятия закона 1771 года? Не было ли случаев совершения погребений в неустановленных законом местах? Для рассмотрения этих вопросов законодательно установленной общей практики погребений привлечем материалы из фонда Тобольской духовной консистории Государственного архива в г. Тобольске.

В августе — сентябре 1815 года в Абалакском мужском монастыре проводилось расследование дела по факту незаконного погребения на территории монастыря крестьянина деревни Вахрушевой Абалакской волости Алексея Вахрушева. Из материалов дела следует, что 17 августа 1815 года тело крестьянина А. Вахрушева после отпевания священником Преображенской церкви Феодором было погребено в ограде монастыря «без ведома местного начальства» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И-156, оп. 7, д. 1438, л. 1а]. Тобольский земский суд сообщил об этом в губернское правление. Последнее направило 26 августа указ в Тобольскую духовную консисторию с предписанием для проведения следствия «командировать с своей стороны (консистории. — П. Д.) депутата» к Абалакскому комиссару А. П. Романову, занимавшемуся расследованием. Духовная консистория незамедлительно запросила ответ по данному делу у монастыря. Уже на следующий день, 27 августа, духовная консистория получила рапорт настоятеля Абалакского Знаменского монастыря игумена Мелхиседека. В рапорте сообщалось, что крестьянин А. Вахрушев «по окончании сего таинства (исповеди. — П. Д.) скончался и как он был престарелых лет одержим был чахотною болезнью (устаревшее название туберкулеза легких. — П. Д.) и удушьем, то и готовился он к смерти чиня приклады с тем

чтобы тело его было положено в монастыре» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И-156, оп. 7, д. 1438, л. 3].

6 сентября 1815 года губернское правление направило указ в духовную консисторию, в котором сообщало, что в Абалакский монастырь направляется штаб-лекарь Виноградский для «освидетельствования тела умершего крестьянина». Из этого указа следует, что губернское правление настаивало на проведении эксгумации погребения, однако она не проводилась по причине опасности в санитарном отношении возможного распространения болезни, поскольку с момента погребения (17 августа) прошло не менее 20 дней. Данный случай имел неординарное значение для губернского правления, поскольку нарушал действовавшее на тот момент законодательство в области погребальной практики.

Судя по рассмотренному делу, полностью искоренить традицию погребения при приходских храмах на закрытых после указа 1771 года кладбищах не удалось, погребения священнослужителей и мирян продолжали совершаться на них по всей территории России вплоть до начала XX века. Иллюстрирует сохранение данной практики погребений, кроме выше описанного, дело Тобольской духовной консистории, датируемое периодом 1912—1913 гг., где содержались прошения о погребении в оградах церквей и монастырей. Духовная консистория рассмотрела 19 прошений и только в одном случае дала отказ в совершении погребения на территории храма [Загваздин, 2017]. Следствием наличия фактов совершения подобного рода погребений стал указ Святейшего Синода от 12 апреля 1833 года, разрешивший совершать погребения на закрытых кладбищах в исключительных случаях. К таковым относились захоронения священников, служивших при церквях, и мирян, жертвовавших в храмы значительные средства [Определения ..., 1882, с. 253]. Собственно, по указанным причинам в 1815 году был погребен крестьянин А. Вахрушев в ограде Абалакского Знаменского монастыря.

3. Погребения детей

Данные этнографии позволяют говорить о нескольких вариантах погребального обряда и организации кладбищ у русских. Умерших делили на «чистых», умерших естественной смертью, и «нечистых», «заложных», к которым преимущественно относили некрещеных детей, самоубийц, колдунов, убитых и прочее. Исследователи выделяют два типа погребального обряда. Первый вариант относится к «чистым» умершим. В него входит отпевание и захоронение на кладбище, а также церковное и домашнее поминовение. Второй относится к похоронам «нечистых» покойников

и сохраняет большое количество архаичных черт [Andrunina, 2015, с. 233]. Главной чертой похорон «нечистого» покойника можно назвать запрет на его захоронение на кладбище вместе с другими членами семьи, для их могил выбирали места, использовавшиеся для захоронений в дохристианскую эпоху. К таковым относились места в доме и усадьбе, в окружающем природном ландшафте. В домах и на территории усадьбы зачастую хоронили некрещеных детей: для этого избирались места под иконами, под печью, в сенях, под порогом, под фундаментом дома, под окном, во дворе, в саду, в огороде и т. д. [Королева, 2018; Andrunina, 2015, с. 234]. В Сибири в документах Умревинской судной конторы за 1759 год зафиксирован факт подобного погребения мертворожденного ребенка втайне за пределами Умревинского острога возле его восточной стены [Романов, 2017, с. 96]. По археологическим материалам подобного рода погребение двух новорожденных зафиксировано в Старой Руссе под полом сруба хозяйственной постройки в слое, датированном первой третью XIII века. При этом исследователи отмечают, что «археологических данных о древнерусских погребениях подобного рода найти не удалось» [Торопова и др., 2012, с. 76]. По мнению авторов, дети умерли от цинги.

Указанные традиции сохранялись у населения Тобольского Прииртышья вплоть до начала XX века. Подтверждают это письменные и археологические источники.

В фонде Тобольской духовной консистории хранится дело, датированное 1774 годом, содержащее материалы расследования смерти новорожденного, умершего некрещеным. 22 января 1774 года в Тобольскую духовную консисторию протопопом Знаменской церкви села Абалак Никитой Вахрушевым был подан рапорт, в котором он сообщал, что в деревне Каштацкой у поселенца Василия Минина умер младенец некрещеным [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И-156, оп. 3, д. 64, л. 1]. Духовная консистория приказала священнику той же церкви Максиму Руданову опросить поселенца В. Минина о случившемся. М. Руданов 6 февраля 1774 года предоставил в духовную консисторию рапорт, в котором сообщал, что ребенок родился у брата Василия — Ивана Минина. Иван Минин рассказал священнику, что «как в бытность протопопа младенец был здоров, так и намерен он был пива сварить, и исправить, как в добрых людях водится, кума позвать с Абалаку Чуловского, а куму из города. Зачем и крещение отложил до других дней, и протопопу в том отказал, а младенец между тем без крещения на 15 число генваря в ночи внезапно преставился» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И-156, оп. 3, д. 64, л. 3].

9 апреля духовная консистория направила указ священнику М. Руданову, в котором в качестве наказания для семьи поселенца Ивана Минина

за смерть его ребенка «по небрежению» определила отправление епитимьи [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И-156, оп. 3, д. 64, л. 3об.]. С. В. Булгаков писал по поводу наложения епитимий, что они имеют свою целью «не отпущение грешнику за грехи, а духовное врачевание недугующего» [Булгаков, 1913, с. 1115]. Сведений о погребении умершего ребенка в деле не содержится, поэтому затруднительно сказать, был ли он похоронен на кладбище, или же как «нечистый» в другом месте.

В данной ситуации новыми материалами для реконструкции погребального обряда русского населения Сибири, в том числе погребений с чертами архаичности, могут служить сведения, полученные в результате археологических исследований погребальных русских памятников XVII—начала XX веков. Л. В. Татаурова отмечает: «Обращаясь к изучению погребального обряда XVII—XIX веков на основе археологических материалов, надо сказать, что эта сторона русской культуры в сибирской науке практически не раскрыта... Причина этого явления кроется в отсутствии системы в исследовании погребальных комплексов, и если в городах этому способствуют градостроительные мероприятия, то сельские некрополи времен заселения Сибири русскими специально никто не изучает даже в охранных целях, когда кладбища гибнут вследствие воздействия человеческого и природных факторов» [Татаурова, 2010, с. 5].

В последние годы в Тобольском Прииртышье ведутся археологические исследования на сельских памятниках времени русского освоения. В Тобольском районе проводятся раскопки русских деревень Выходцева, Вахрушева, Яркова, основанных в начале XVII века. Также были исследованы два христианских кладбища XVII—XIX веков в Абалакском мужском и Иоанно-Введенском женском монастырях [Загваздин, 2014].

В 2015 году тобольскими археологами проводились работы на месте исчезнувшей в советское время деревни Яркова. В раскопе площадью 50 кв. м были найдены два детских захоронения. По мнению исследователей, в захоронениях зафиксированы как архаичные черты, такие как перевитие веревочками, захоронение на огороде, погребение в колодах, небольшая глубина могил; так и изменения, связанные с XIX веком, — использование ткани фабричного производства, их темная цветовая гамма [Данилов и др., 2017, с. 49]. Погребения были датированы серединой XIX — началом XX веков. Исследователи сделали заключение о том, что «данные захоронения могли представлять собой “домашнее” (семейное) кладбище некрещеных младенцев, расположенное на огороде, у обрыва, на свободном от хозяйственной деятельности участке крестьянской усадьбы» [Данилов и др., 2017, с. 49]. Возможно, что погребенные либо

были мертворожденными, либо умерли почти сразу после родов и поэтому не были крещены.

Вопрос мотивов, причин погребения новорожденных на территории деревни остается на сегодняшний день открытым. Следует отметить, что в XIX веке хоронить на общих кладбищах детей, крещенных неправильно или совсем не крещенных и мертворожденных, разрешалось, но без совершения православных обрядов и поминовения [Булгаков, 1913, с. 1349—1350]. Кроме того, предусматривались наказания для мирян: арест до 15 дней или денежное взыскание не свыше 50 рублей [Булгаков, 1913, с. 1332].

4. Вопрос принадлежности детских погребений

Для ответа на вопрос, были ли погребения младенцев оставлены местными старожилами или переселенцами из Европейской России, рассмотрим данные по истории деревни и жившему в нем населению. Деревня известна как минимум с 20-х годов XVII века. Она упоминается в Дозорной книге 1623 года в списках деревень оброчных и пашенных крестьян [Дозорная книга ..., с. 31, 40]. Сведения о ней встречаются и в более позднее время. В 1885 году, по архивным данным, деревня имела гнездовую планировку построек, была вытянута вдоль береговой линии [Курилов и др., 2006, с. 116]. Границы поселения известны по картографическим материалам XX века, в частности, деревня изображена на карте Генштаба СССР 1940-х годов. Во второй половине XX века деревня Яркова пришла в запустение. Память о ней сохранялась в топонимах местности еще в начале 1980-х годов. На карте района 1982 года на месте бывшей деревни указано «урочище Ярково» [Карты ...]. За весь период своего существования, с начала XVII века до 60-х годов XX века, деревня была небольшой по количеству дворов. Максимальное число крестьянских дворов (33) фиксируется в 1926 году, в среднем же число их за весь период существования деревни не превышало 19—21 (табл. 1). При этом численность населения во второй половине XIX — начале XX веков неуклонно росла. Прирост за 1860—1926 годы составил 74 человека (табл. 1).

Первая всеобщая перепись населения 1896 года позволяет нам проследить состав населения деревни Яркова в конце XIX века (табл. 2).

Судя по этим данным, большинство носителей фамилий, распространенных в деревне, имели местное происхождение, как минимум, родились здесь. Представители только шести фамилий были родом из других мест: двое из соседних деревень (П. М. Фомин, Вахрушов); двое из соседних волостей (Г. Г. Криванков, В. В. Черкашин). Семья Поповых переехала

Таблица 1

**Динамика численности населения деревни Яркова
по статистическим данным**

Год	Число душ			Число дворов
	муж	жен	Обоего пола	
1710	—	—	—	19 ¹
1793	32	—	—	10 ²
1860	56	59	115	20 ³
1882	—	—	—	27 (проект) ⁴
1893	78	62	140	21 ⁵
1896	72	95	167 ⁶	—
1926	—	—	189	33 ⁷
1964	—	—	82	19 ⁸

Составлено по: [Переписная книга ..., 2001, с. 78; ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И-154, оп. 21, д. 129, л. 1; Списки ..., 1871, с. 12; ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И-154, оп. 21, д. 202, л. 1; Статистика ..., 1894, с. 3; ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И-417, оп. 2, д. 65, л. 1; Список ..., 1926, с. 2; ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. Р 826, оп. 1, д. 308, л. 3].

Таблица 2

**Список фамилий, распространенных в деревне Яркова
по данным 1896 года**

Фамилия	Происхождение семьи
Вакорин	Местный
Ососов	Местный
Куницын	Местный
Денисов	Местный
Криванков	Тобольский округ, волость Дубровная
Собольников	Местный
Соколов	Местный
Черкашин	Тобольский округ, волость Бронниковская, д. Тычинская
Фомин	Тобольский округ, волость Абалакская, с. Абалак
Попов	Курганский округ
Вахрушов	Тобольский округ, волость Абалакская, д. Вахрушева
Богданов	Местный
Бочкарев	Симбирская губерния, Корсунский уезд, с. Сосновое

Составлено по: ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И-417, оп. 2, д. 65.

из Курганского округа; П. М. Бочкарев — выходец из Европейской России, из Симбирской губернии. Таким образом, материалы переписи 1896 года позволяют нам считать все население деревни Яркова старожильским, исключение составляют Попов и Бочкарев, поселившиеся в деревне во второй половине XIX века. Можем ли мы на основании этих данных связывать исследованные погребения младенцев с представителями какой-либо семьи, старожильской или поселенцев? Однозначно ответить на этот вопрос на сегодняшнем этапе исследований не представляется возможным. Вероятно, что похоронить умерших младенцев могли представители обеих групп населения деревни. К такому выводу нас приводят известные археологические и этнографические аналогии из Тарского Прииртышья. В частности, при проведении раскопок памятника Изюк I был выявлен погребальный комплекс, расположенный на краю поселенческого. В результате возникшей дискуссии о конфессиональной принадлежности жителей деревни Изюк Л. В. Татауровой, автором раскопок, было высказано мнение о принадлежности кладбища местному старожильскому населению. Эту точку зрения подтвердили данные антропологических исследований: «Русское население Изюка сформировано переселенцами из Петербурга, Симбирска, Пскова, Костромы, Твери, Москвы, Тулы, Казани, выходцев Русского Севера и центра России» [Татаурова, 2010, с. 26]. Позднее принадлежность большей части жителей Изюка к старожилам была подтверждена на основе архивных материалов [Крих, 2012, с. 145].

В этнографических материалах Тарского Прииртышья можно встретить записи, согласно которым сохранялся обычай «хоронить выкидшей в подполе, а не нести их на кладбище» [Межевикин, 2012, с. 313]. Прямые параллели этому находятся в рукописях XIX века из южнорусских губерний [Этнографо-археологические комплексы ..., 2016, с. 167]. Погребение в пределах усадьбы не носило характер исключительности для ее владельцев, поскольку сохранение этого архаичного обряда погребения фиксировалось в Европейской России в общеславянской культуре вплоть до рубежа XX века, а на территории Северного Прикамья до 60-х годов XX века [Королева, 2018]. Погребения могли совершить как старожилы деревни, так и поселенцы.

4. Выводы

Устойчивость погребальной обрядности к изменениям обуславливает сохранность в ней архаичных элементов, особенно в сельской среде. Для понимания важнейших аспектов духовной жизни русского населения Тобольского Прииртышья значение имеет понимание того, что от системы

жизнеобеспечения поселения, его истории, взаимодействия с окружающим его населением зависит не только материальная, но и духовная составляющая культуры. Рассмотренные в статье материалы позволяют констатировать факт того, что у русского населения Тобольского Прииртышья вплоть до начала XX века сохранялись архаичные обряды погребения, а также имели место факты невыполнения норм законодательства в погребальном обряде. Проведение исследований на памятниках русского освоения позднего средневековья и нового времени позволят раскрыть все многообразие материальной и духовной культуры региона, в том числе охарактеризовать локальные варианты погребально-поминальной обрядности русского населения Тобольского Прииртышья, выявить сохранявшиеся черты архаичности и несоблюдения норм законодательства в погребальном обряде.

Источники и принятые сокращения

1. ГБУТО ГА в г. Тобольске — *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске*. Ф. И-154. Оп. 21. Д. 129. Л. 1; Оп. 21. Д. 202. Л. 1. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 64. Л. 4; Оп. 7. Д. 1438. Л. 6. Ф. И-417. Оп. 2. Д. 65. Л. 78. Ф. Р 826. Оп. 1. Д. 308. Л. 4.

2. *Дозорная книга 1623 г.* // Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII — начале XVIII вв. : сборник архивных источников. — Тюмень : ТГУ, 2001. — С. 19—75.

3. *Переписная книга 1710 г.* // Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII — начале XVIII вв. : сборник архивных источников. — Тюмень : ТГУ, 2001. — С. 76—170.

4. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской империи с 1649 года*. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Том 19 : 1770—1774. — 1081 с.

5. *Статистика Российской империи*. — Санкт-Петербург : Издание Центрального статистического комитета МВД, 1894. — Том 29. Волости и населенные места 1893 года, Выпуск 10. Тобольская губерния. — 111 с.

6. *Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом МВД*. — Санкт-Петербург : Типография МВД, 1871. — Том LX. Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868—1869 годов. — 196 с.

7. *Список населенных пунктов и административное деление Тобольского округа Уральской области* : на 1 октября 1926 года. — Тобольск : Орготдел Окрисполкома, 1926. — 95 с.

Литература

1. *Абалакский Знаменский третьеклассный мужской монастырь* // Тобольские епархиальные ведомости. — 1884. — № 1. — С. 1—24.

2. *Балюнова Е. А.* Из истории погребального обряда русского населения / Е. А. Балюнова, И. В. Балюнов // Архивы Урала. — 2008. — № 12. — С. 279—282.

3. *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковнослужителей : сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства / С. В. Булгаков. — Киев : Типография Киево-Печерской Успенской лавры, 1913. — 1772 с.

4. *Данилов П. Г.* Детские погребения с русского поселения «деревня Яркова» в Тобольском Прииртышье / П. Г. Данилов, Н. П. Турова // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 414. — С. 45—51. — DOI: 10.17223/15617793/414/7.

5. *Загваздин Е. П.* Итоги археологических исследований в монастырях Тюменской области / Е. П. Загваздин // Культура русских в археологических исследованиях : сборник научных статей / ред. Л. В. Тагаурова, В. А. Борзунов. — Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. — Т. 1. — С. 158—163.

6. *Загваздин Е. П.* «Похороните меня в ограде»: отражение экстраординарной погребальной практики в материалах Тобольской духовной консистории / Е. П. Загваздин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2017. — Т. 3. — № 4. — С. 150—162. — DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-150-162.

7. *Карты всего мира* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://loadmap.net>.

8. *Королева С. Ю.* «В голбче-то у нас могильник»: детские захоронения вне общего кладбища в XX веке (практики и нарративы Северного Прикамья) / С. Ю. Королева // Традиционная культура. — 2018. — Т. 19. — № 3. — С. 138—149.

9. *Крих А. А.* Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII—XX века) / А. А. Крих. — Омск : Наука, 2012. — 296 с.

10. *Курилов В. Н.* Планировочные особенности русских селений Тобольской губернии XIX века (на примере Абалакской волости Тобольского округа Тобольской губернии) / В. Н. Курилов, А. Ю. Майничева // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. — Новосибирск, 2006. — Т. 7. — Ч. 2. — С. 112—116.

11. *Межевикин И. В.* Локальные варианты погребально-поминальной обрядности русских Тоболо-Иртышского междуречья / И. В. Межевикин // Вестник Омского университета. — 2012. — № 1. — С. 309—314.

12. *Определения* Святейшаго Синода // Тобольские епархиальные ведомости. — 1882. — № 22. — С. 252—254.

13. *Романов П. И.* Проблемы и перспективы корреляции архивных документов и археологического материала на примере Умревинского острога / П. И. Романов // Вестник Томского государственного университета. История. — 2017. — № 45. — С. 93—98. — DOI: 10.17223/19988613/45/14.

14. *Татаурова Л. В.* Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII—XIX вв. по материалам комплекса Изюк-I / Л. В. Татаурова. — Омск : Апельсин, 2010. — 284 с.

15. *Торопова Е. В.* Детские погребения на Пятницком раскопе в Старой Руссе : археологический комментарий к Новгородской первой летописи / Е. В. Торопова, А. П. Бужилова // *Российская археология*. — 2012. — № 3. — С. 72—78.

16. *Этнографо-археологические* комплексы народов Тарского Прииртышья: могилы, могильники, погребальный обряд и мир мертвых в свете этноархеологических работ / М. Л. Бережнова, М. А. Корусенко, А. В. Полеводов, Л. В. Татаурова, К. Н. Тихомиров, С. С. Тихонов. — Омск : Наука, 2016. — 294 с.

17. *Andrunina M. A.* Transformation of the Traditional Death Connected Customs: Loss and Modification of Their Elements / M.A. Andrunina // *Russkaya Starina*. — 2015. — № 4 (16). — P. 232—241. — DOI: 10.13187/rs.2015.16.232.

Burial Practice of Russian Population in Tobolsk Irtysh Region in 18th—19th Centuries: Cases of Deviations from Official Legislation¹

© **Danilov Petr Grigoryevich (2018)**, orcid.org/0000-0001-5939-0558, research scientist, Tobolsk Complex Scientific Station, Ural branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russia), danilovpg@mail.ru.

The article deals with the issue of non-compliance with the legislation in the burial practice of the Russian population of the Tobolsk Irtysh region in the 18th—19th centuries. The archival materials of the Fund of the Tobolsk Spiritual Consistory of the State Archive in Tobolsk, reflecting the cases of deviation from the legally established practice of burial, are introduced into scientific circulation. The materials of records management on the facts of the death of a newborn child of the settler Ivan Minin in 1774, who died unbaptized, are analyzed, as well as the death and burial of the peasant Alexey Vakhrushev made without the consent of the civil authorities in 1815 in the territory of the Abalak Znamensky monastery. As a source for the reconstruction of the funeral rites of the Russian population of Siberia, the materials obtained as a result of archaeological research of two children's burials from the Russian settlement "Yarkova village" in the Tobolsk Irtysh region are involved. Based on the analysis of the features of the burial rite, the burials are dated by the middle of the 19th — early 20th centuries. In connection with the absence of other burials nearby, it is concluded that these burials are a "home" (family) cemetery of unbaptized babies, located in the garden near the cliff, free from economic activity on the site of the peasant estate.

Key words: Tobolsk Irtysh region; Tobolsk Spiritual Consistory; Abalak male monastery; Russians; funeral rites; infant burial.

1 The article is financially supported by FASO of Russia in the framework of the theme BSR No. 0408-2018-0001 "The study of culture of the population of north forest-steppe and southern taiga of Western Siberia (I thousand BC — II thousand AD)."

Material resources

- Dozornaya kniga 1623 g. (2001). In: *Zemledelcheskoye khozyaystvo Zapadnoy Sibiri v XVII — nachale XVIII vv.: sbornik arkhivnykh istochnikov*. Tyumen: TGU. 19—75. (In Russ.).
- GBUTO GA v g. Tobolske — *Gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye Tyumenskoy oblasti Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobolske*. F. I-154. F. I-156. F. I-417. F. R 826. (In Russ.).
- Perepisnaya kniga 1710 g. (2001). In: *Zemledelcheskoye khozyaystvo Zapadnoy Sibiri v XVII — nachale XVIII vv.: sbornik arkhivnykh istochnikov*. Tyumen: TGU. 76—170. (In Russ.).
- PSZRI — *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda. 19: 1770—1774*. (1830). Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii. (In Russ.).
- Spiski naselennykh mest Rossiyskoy imperii, sostavlenyye i izdavaemye Tsentralnym statisticheskim komitetom MVD. 60. Tobolskaya guberniya. Spisok naselennykh mest po svedeniyam 1868—1869 godov*. (1871). Sankt-Peterburg: Tipografiya MVD. (In Russ.).
- Spisok naselennykh punktov i administrativnoye deleniye Tobolskogo okruga Uralskoy oblasti: na 1 oktyabrya 1926 goda*. (1926). Tobolsk: Orgotdel Okrispolkoma. (In Russ.).
- Statistika Rossiyskoy imperii. 29. Volosti i naselennyye mesta 1893 goda. Vypusk 10. Tobolskaya guberniya*. (1894). Sankt-Peterburg: Izdaniye Tsentralnogo statisticheskogo komiteta MVD. (In Russ.).

References

- Abalaskiy Znamenskiy tretklassnyy muzhskoy monastyr'. (1884). *Tobolskiye eparkhialnyye vedomosti, 1*: 1—24. (In Russ.).
- Andrunina, M. A. (2015). Transformation of the Traditional Death Connected Customs: Loss and Modification of Their Elements. *Russkaya Starina, 4 (16)*: 232—241. DOI: 10.13187/rs.2015.16.232.
- Balyunova, E. A., Balyunov, I. V. (2008). Iz istorii pogrebalnogo obryada russkogo naseleniya. *Arkhivy Urala, 12*: 279—282. (In Russ.).
- Berezhnova, M. L., Korusenko, M. A., Polevodov, A. V., Tataurova, L. V., Tikhomirov, K. N., Tikhonov, S. S. (2016). *Etnografo-arkheologicheskiye komplekсы narodov Tarskogo Priirtysh'ya: mogily, mogilniki, pogrebalnyy obryad i mir mertvykh v svete etnoarkheologicheskikh rabot*. Omsk: Nauka. (In Russ.).
- Bulgakov, S. V. (1913). *Nastolnaya kniga dlya svyashchenno-tserkovnosluzhiteley: sbornik svedeniy, kasayushchikhsya preimushchestvenno prakticheskoy deyatel'nosti otechestvennogo dukhovenstva*. Kiyev: Tipografiya Kiyevopecherskoy Uspenskoy lavry. (In Russ.).
- Danilov, P. G., Turova, N. P. (2017). Detskiye pogrebeniya s russkogo poseleniya «derevnya Yarkova» v Tobolskom Priirtysh'e. *Vestnik Tomskogo gosu-*

- darstvennogo universiteta*, 414: 45—51. DOI: 10.17223/15617793/414/7. (In Russ.).
- Karty vsego mira*. Available at : <http://loadmap.net>. (In Russ.).
- Koroleva, S. Yu. (2018). «V golbche-to u nas mogilnik»: detskiye zakhoroneniya vne obshchego kladbishcha v XX veke (praktiki i narrativy Severnogo Prikam'ya). *Traditsionnaya kultura*, 19/3: 138—149. (In Russ.).
- Krikh, A. A. (2012.). *Etnicheskaya istoriya russkogo naseleniya Srednego Priirtysh'ya (XVII—XX veka)*. Omsk: Nauka. (In Russ.).
- Kurilov, V. N., Maynischeva, A. Yu. (2006). Planirovochnyye osobennosti russkikh seleniy Tobolskoy gubernii XIX veka (na primere Abalaskoy volosti Tobolskogo okruga Tobolskoy gubernii). In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy: materialy Godovoy sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. 7/2*. Novosibirsk. 112—116. (In Russ.).
- Mezhevikin, I. V. (2012). Lokalnyye varianty pogrebalno-pominalnoy obryadnosti russkikh Tobolo-Irtyshskogo mezhdurech'ya. *Vestnik Omskogo universiteta*, 1: 309—314. (In Russ.).
- Opredeleniya Svyateyshago Sinoda. (1882). *Tobolskiye eparkhialnyye vedomosti*, 22: 252—254. (In Russ.).
- Romanov, P. I. (2017). Problemy i perspektivy korrelyatsii arkhivnykh dokumentov i arkheologicheskogo materiala na primere Umrevinskogo ostroga. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 45: 93—98. DOI: 10.17223/19988613/45/14. (In Russ.).
- Tataurova, L. V. (2010). *Pogrebalnyy obryad russkikh Srednego Priirtysh'ya XVII—XIX vv. po materialam kompleksa Izyuk-I*. Omsk: Apelsin. (In Russ.).
- Toropova, E. V., Buzhilova, A. P. (2012). Detskiye pogrebeniya na Pyatnitskom raskope v Staroy Russe: arkheologicheskii kommentariy k Novgorodskoy pervoy letopisi. *Rossiyskaya arkheologiya*, 3: 72—78. (In Russ.).
- Zagvazdin, E. P. (2014). Itogi arkheologicheskikh issledovaniy v monastyryakh Tyumenskoy oblasti. In: Tataurova, L. V., Borzunov, V. A. (eds.). *Kultura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: sbornik nauchnykh statey. 2/1*. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan. 158—163. (In Russ.).
- Zagvazdin, E. P. (2017). «Pokhoronite menya v ograde»: otrazheniye ekstraordinarnoy pogrebalnoy praktiki v materialakh Tobolskoy dukhovnoy konsistorii. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates*, 3/4: 150—162. DOI: 10.21684/2411-197Kh-2017-3-4-150-162. (In Russ.).